

**ДЕТЕКТИВ  
С ТАИНСТВЕННОЙ  
ИСТОРИЕЙ**



Читайте романы Анны Князевой в серии «Детектив с таинственной историей»:

**ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ**  
**СЕЙФ ЗА КАРТИНОЙ КОРОВИНА**  
**ХРАНИТЕЛЬНИЦА ЦАРСКИХ ТАЙН**  
**КЛЮЧ ОТ ПРОКЛЯТОЙ КОМНАТЫ**  
**КОПЬЕ ЧУЖОЙ СУДЬБЫ**  
**РОМАН БЕЗ ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЫ**  
**ПОДВЕСКА КОНЧИТЫ**  
**КОЛЬЦО С ТРЕМЯ АМУРАМИ**

АННА  
КНЯЗЕВА

---

ПОДВЕСКА  
КОНЧИТЫ



Москва

2016

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
К 54

Оформление серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

**Князева, Анна.**

К 54 Подвеска Кончиты : роман / Анна Князева. — Москва :  
Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Детектив с таинственной  
историей).

ISBN 978-5-699-77891-1

Получив письмо от матери, которая бросила их с отцом много лет назад, Дайнека не раздумывая решила ехать в город детства — Красноярск. Случайно оказавшись в спецвагоне вместе с высокопоставленными чиновниками и олигархом, Дайнека стала свидетелем бессмысленного и жестокого убийства, и теперь ей тоже угрожает опасность...

Дайнека не догадывалась: в одном поезде с ней следует ее возлюбленный Джамил. У него особая миссия — найти и доставить в столицу бриллиантовую подвеску, которую двести лет назад подарила командору Николаю Резанову его возлюбленная Кончита. Как известно, Резанов поклялся вернуться, но умер в дороге и был похоронен в Красноярске...

**УДК 821.161.1-312.4**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-5-699-77891-1**

© Князева А., 2015  
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

## ПРОЛОГ

*Красноярск, сентябрь 1963 года*

У разрушенной стены храма, за которой когда-то располагался алтарь, работал старенький экскаватор — таскал из ямы каменистую землю и кидал в сторону. Когда ковш в очередной раз опустился, раздался негромкий скрежет.

Экскаваторщик выскочил из кабины и заглянул в яму. Подошли еще несколько человек. Кто-то спросил:

— Что там?

— Только бы не труба... — забеспокоился экскаваторщик.

Пожилой рабочий в твидовой кепке присел у самого края.

— Не-е-е... Крышка какая-то. — Он обернулся и сказал парню в стройотрядовской куртке: — Ну-ка, студент, глянь, что там.

Парень спрыгнул в траншею, топнул по крышке, поднял голову и доложил:

— Железная!

К нему спустился рабочий с лопатой и, ни слова не говоря, стал копать. В траншею сбросили ломик. Один за другим туда слезли еще трое парней.

Минут через двадцать всем стало ясно, что на дне ямы лежит большой металлический ящик. Его подцепили стропами и вытащили ковшом на поверхность.

Рабочий в кепке сказал:

— Кажись, ты его клыком зацепил.

Экскаваторщик присел возле ящика. Сквозь рваный металл виднелось лакированное дерево. Поднявшись на ноги, он побледнел:



— Кажись, там внутри гроб...

Его сразу оттеснили любопытствующие. Между завальцованными жестяными листами вклинилось лезвие топора. Крышка слетела, под ней действительно оказался дубовый лакированный гроб.

— Надо бы милицию вызвать... — пожилой рабочий снял кепку и почесал в затылке.

Вперед вышла женщина лет сорока.

— При чем здесь милиция? Гроб дореволюционный, буржуинский. Нужно в крайком сообщить. — Она похлопала по спине стройотрядовца, который откапывал ящик: — Валера, беги к телефону-автомату. Звони в справочное. Узнаешь номер крайкома — туда сообщи. Все расскажешь — пусть решают, кого поставить в известность. У тебя есть двухкопеечные? — не дожидаясь, пока тот отыщет монетки, протянула ему две.

Валера взял деньги и убежал.

— А вы кто такая? — спросил экскаваторщик.

— Я куратор студенческой группы из пединститута. Мы ваши шефы. Грузим битый кирпич.

Рабочий кивнул на руины:

— Красивая церковь была. Зачем только сломали...

— Мы наш, мы новый мир построим... — убедительно заявила кураторша.

— Кто был ничем, тот станет всем! — закончил за нее какой-то студент.

Взгляды снова устремились на гроб.

— Может, откроем? — предложил тот, что был с топором, и, не дожидаясь ничего разрешения, сунул лезвие в щель, нажал и без усилия откинул деревянную крышку.

Все, кто стоял рядом, не сговариваясь, отпрянули.

В гробу лежал светловолосый мужчина. Яркий луч сентябрьского солнца заиграл на золоченом мундире и красной муаровой



ленте, что тянулась от левого плеча через всю его грудь. Высокий воротник упирался в белое худое лицо.

Кто-то прошептал:

— Будто вчера помер...

Один из тех, кто копал, объяснил:

— Лежал глубоко. Там, в траншее, — ледник.

Кураторша сорвала со своей шеи платок и накинула его на лицо мертвого офицера. Пожилой рабочий снял кепку, склонил голову и с почтением приблизился к гробу. Вслед за ним ближе подошли остальные. Все увидели шпагу, лежавшую возле мертвого тела, у шеи, на черной шелковой ленте — крест, на правой стороне груди — тусклый металлический восьмигранник, напоминавший звезду.

Расталкивая народ, примчался Валерка:

— Едут!

На строительную площадку уже прибыл грузовик, из него посыпались деловитые сотрудники милиции.

— Граждане! Разойдемся!

Скоро они оттеснили рабочих. Грузовик сдал назад. Крышку гроба закрыли, а сам гроб подняли в кузов. Туда же влезли все блюстители правопорядка. Автомобиль тронулся.

Валерка сорвался с места и зацепился за борт. Опасаясь, что студент окажется под колесами, его подхватили и втащили наверх.

Грузовик набрал скорость и тут же скрылся из виду.

## ГЛАВА 1

### *Москва, наши дни*

Рука, поросшая рыжими волосками, уверенно легла на анкетный лист. Дайнека вздрогнула и дописала начатое слово на пальце менеджера по персоналу. Поморщившись, мужчина достал платок и принялся демонстративно стирать чернила.

— Простите, — сказала Дайнека.

— Пустяки, — ответил менеджер, забрал анкету и вернулся к столу.

В тишине кабинета скрипнуло кресло.

Дайнека сидела у конторки для посетителей. Над ней опасно громоздился шкаф, заставленный тяжелыми папками. В комнате было много таких шкафов. Представив, что в них хранятся тысячи бесполезных бумаг, Дайнека почувствовала неодолимую скуку, верный признак несовместимости с окружающей обстановкой.

Наткнувшись на пристальный взгляд менеджера, она быстрым движением поправила юбку и села подчеркнуто прямо.

— Послушайте, я могу пойти вам навстречу, — заговорил он и, посмотрев на часы, многозначительно улыбнулся. — У меня скоро обед, и есть ключи от комнаты отдыха. Думаю, мы сумеем договориться.

«Гад», — подумала Дайнека и молча встала со стула.

За дверью ждала вторая претендентка на место стажера рекламного агентства. Испугавшись угрюмой решительности, с которой Дайнека вышла из кабинета, она отступила в сторону и немного замешкалась, прежде чем решилась войти.



У менеджера по персоналу оставался еще один шанс быть понятым.

Оказавшись на улице, Дайнека почувствовала себя так, словно только что выписалась из больницы. Прямо с крыльца неловко ступила в лужу, зачерпнула воды в ботинок, однако вместо досады ее охватила беспричинная радость.

Снег растаял, и в середине апреля в Москву наконец-то пришла весна. Веселый шум заполнил город, погода стояла ясная, и, глядя в пронзительную синеву неба, невозможно было не поддаться ожиданию каких-то сумасшедших перемен в жизни.

Хлопя ботинком, Дайнека перебежала через дорогу и села в машину, но тронуться не успела — зазвонил телефон:

— Слушаю, папа.

— Ну как?

— Никак.

— Не взяли? — спросил отец.

— Сама не пошла.

— Не понимаю. Пожалуйста, объясни.

— Условия неподходящие.

— У нас в холдинге прекрасный отдел рекламы. Давай к нам.

Какая разница, где проходить практику?

— Папа, ты забываешь, сколько мне лет.

Отец вздохнул:

— Ну, делай как знаешь. Во всяком случае, имей в виду.

— Буду иметь, — пообещала Дайнека.

После недолгой паузы отец снова спросил:

— Как твои дела?

— В плане личного? — уточнила она.

— В плане личного, и вообще.

— Без изменений.

— Понятно.

— А ты как? — спросила Дайнека и торопливо добавила: — Как

Настя?



- Настя в Париже.
- Ясно, — больше говорить было не о чем.
- Звони, я за тебя очень волнуюсь.
- Хорошо, папа. — Дайнека нажала кнопку отбоя.

Оглянулась: позади — никого. Сдала немного назад, уселась поудобней, вывернула руль и нажала педаль газа. Вопреки ожиданиям, машина рванулась не вперед, а назад. Раздался глухой звук, Дайнеку трянуло, и в грудь больно уперся руль. Резко затормозив, она пригнулась и замерла.

Вокруг было тихо.

— Теперь, как порядочная девушка, вы просто обязаны со мной познакомиться, — в открытую дверь на нее смотрел молодой мужчина.

— Я не слишком повредила вашу машину? — смущенно спросила Дайнека. — Вы целы?

— Сражен наповал.

— Господи... — прошептала она.

— Вы не поняли. Я в порядке. Меня зовут Виктор.

— Дайнека, то есть Людмила... Первый раз вижу такого веселого потерпевшего.

— И все-таки: Людмила или Дайнека?

— Без разницы...

— Я вас еще в рекламном агентстве приметил. А вы даже не посмотрели в мою сторону. Вас кто-то обидел?

— Не стоит об этом. Вы точно в порядке? Может, в больницу?

— Это лишнее. Я неуживим.

— Я что-нибудь могу для вас сделать?

— Подвезти. Здесь близко.

— Садитесь.

— Подождите, только возьму пальто.

Дайнека оглянулась на его дорогую машину, переднее крыло было смято.

— Я возмещу.



— Непременно, — пообещал Виктор, и она сникла.

Пришлось задуматься над тем, что он имел в виду.

Ехать было недалеко. Дайнека еще раз предложила заплатить за ремонт, но мужчина отказался. Они провели в дороге всего десять минут и расстались, даже не обменявшись телефонами.

Промокшая обувь омрачила весеннюю эйфорию, простуда была неизбежна. Дайнека заторопилась домой и уже в подъезде ощутила легкий озноб, навевающий мечты о теплой постели. По инерции открыла почтовый ящик и в ворохе рекламных листовок обнаружила простую открытку — кусочек картона с нарисованным букетом цветов.

«С днем рождения!» — гласила золоченая надпись, запутавшаяся в фиалковых лепестках.

Дайнека стояла у почтового ящика и от волнения не разбирала слов, выведенных знакомым почерком. Точнее, видела только одну фразу: «Дорогая доченька...»

С почтового штампа кричало желанное слово — «Красноярск».

Взбежав по лестнице, она открыла дверь и, не разуваясь, прошла в гостиную. Там на диване преспокойно лежал пес Тишотка. Застигнутый врасплох, он смущенно тараторил на хозяйку, не понимая, откуда она взялась. Потом спрыгнул на пол и улегся поодаль, виновато постукивая хвостом.

Дайнека даже не посмотрела в его сторону. Десять лет она ждала этого мгновенья. И оно пришло, когда уже не оставалось надежды, когда совсем поверилось, что мамы у нее больше нет. Повзрослев, она научилась с этим мириться.

До дня рождения оставалось еще две недели, и тот факт, что открытку доставили раньше времени, растревожил Дайнеку.

Предчувствие подтвердилось: с мамой стряслась беда. Еще не дочитав до конца, Дайнека поняла, что по-прежнему любит ее и



прощает все: измену, долгие годы молчания, их с отцом бегство в Москву. Прощает все<sup>1</sup>...

Ей припомнился тот день рождения, когда рано утром, перед работой, мама поздравила ее в последний раз, и девочка повернулась на другой бок и заснула, обнимая подаренную куклу.

*«Преспала свое счастье...»*

С этой болью невозможно было смириться. Потом ее поздравлял только отец, и в такие минуты они особенно остро ощущали свое сиротство. Дайнека не любила свои дни рождения.

Дочитав открытку, она позвонила отцу.

Вячеслав Алексеевич приехал немедленно. Не сразу поверив, что мама действительно дала о себе знать, долго перечитывал слова на открытке, потом быстро спросил:

— Есть закурить? — и при этом он рассеянно похлопал себя по карману.

Дайнеке стало не по себе, она знала, что отец не курит, и все же принесла ему сигарету и зажигалку. Отчаянно затянувшись, он выдохнул вместе с дымом:

— Кто-то должен ехать. Лучше, если ты.

Дайнека молча кивнула. Он тут же засомневался:

— Хотя как же твоя практика...

— Разберусь.

Возможность увидеть маму была важнее всего.

— Значит, едешь?

— Папа... — укоризненно прошептала Дайнека.

— Прости. Собирайся, а я — за билетом.

Дверь захлопнулась, и Дайнека осталась одна. Бесцельно прошлась по комнатам. На кухне увидела Тишотку, смиренно сидящего возле своей миски.

— О тебе-то я и забыла...

---

<sup>1</sup> Читайте об этом в романе А. Князевой «Сейф за картиной Коровина», издательство «ЭКСМО».



Дайнека отрезала кусок колбасы. Схватив угощение, Тишотка выбежал в прихожую и расположился на коврик. Он понял: сегодня можно делать все, что захочешь, и не услышать ни слова упрека. Такая жизнь ему была определенно по вкусу.

Вернувшись в гостиную, Дайнека посмотрела в окно: небо затянули свинцово-черные тучи. Крупные тяжелые капли ударили по карнизу. Удары становились все чаще, спустя мгновение это был уже ливень.

Девушка отыскала спортивную сумку. Собрала вещи, поставила сумку у двери, потом легла в кровать и закуталась в одеяло.

Под шум дождя она постепенно успокоилась и не заметила, как уснула.

— Что, действительно уезжаешь? Но ты же мне не заплатила! Посмотри, как изуродована моя машина! — мужчина был в ярости.

Дайнека не видела лица, но знала, что это новый знакомый по имени Виктор.

— Я пыталась, вы же сами не захотели... — оправдывалась она.

— И слышать ничего не хочу! Ты мне за все заплатишь... За все-е-о-о... — затянул он зловеще, и его голос пронзительно зазвенел, превращаясь в телефонный звонок.

Не отрывая головы от подушки, Дайнека взяла трубку:

— Слушаю...

— Плохи наши дела, — это был отец.

— Плохи... — повторила она, засыпая.

— Погода нелетная, задержки рейсов, и, говорят, это надолго. Остается поезд, но это почти три дня пути... Что будем делать, самолет или поезд?

— Конечно, поезд! — уверенно проговорила мама, появившись из темноты. — Что, по-вашему, лучше — четыре часа страха или три дня удовольствия?

Мама любила ездить поездом и часто повторяла эту фразу.



— Три дня удовольствия... — эхом отозвалась Дайнека. Ей было жаль, что это всего лишь сон и мамино лицо снова растаяло в темноте.

— Значит, поезд, — подытожил отец.

Наступила тишина, Дайнека спала, и только дождь шумел за окном.

\* \* \*

Старый пекинес Теодоро тяжело поднялся с травы и пошел к лестнице, ведущей на веранду. Ему с трудом удалось поставить передние лапы на нижнюю ступеньку. После передышки задняя лапа сделала неприлично короткий взмах, тщетно пытаясь воссоединиться с двумя передними, но возвратилась туда, где была.

Ни одна из последующих попыток не удалась. Выбившись из сил, Теодоро сел. Сзади он был похож на маленький замшелый пенек.

Его хозяин, Вадим Николаевич Рак, с грустью смотрел на старевшего пса. Он давно наблюдал за его попытками, сидя в тени деревьев в компании своего давнего знакомого Семена Крестовского.

Поднявшись с плетеного кресла, Вадим Николаевич подхватил Теодоро и перенес на веранду. Пес улегся на деревянный пол и закрыл глаза. Его нимало не беспокоило, что он перегородил путь в гостиную. Знал — его никто не потревожит.

Вадим Николаевич вернулся к собеседнику и грустно кивнул в сторону Теодоро.

— Старый стал...

— Усыпить — и дело с концом... — отозвался Крестовский и осекся, увидев, как переменялся в лице хозяин.

Поймав на себе взгляд Вадима Николаевича, он произвольно пожегился.



«Ласковый Потрошитель...» — Крестовский вспомнил прозвище, данное Раку в годы их совместной работы в органах, где он служил под началом Вадима Николаевича. В какой-то момент их пути разошлись, но печать иерархической зависимости перешла на дальнейшие отношения. Рак занимал ответственный пост в Думе. Он и теперь был похож на военного: статный пятидесятилетний красавец с решительными движениями и хорошей осанкой.

В Крестовском, напротив, никак не угадывалась военная выправка: он был некрасив, сутул, лысоват. Словом, выглядел штатским. К тому же был хорошо известен как человек, принадлежащий к мутным полукриминальным кругам.

Их разделял столик, покрытый белой скатертью, поверх которой лежала еще одна, цвета ванили. Кроме чайных приборов на нем стояла тарелка с бутербродами и чистая пепельница. Никто из них не курил.

— Усыпить, говоришь?.. — выдерживая паузу, Рак изучающе смотрел на Крестовского, отчего тот заерзал в кресле и, потянувшись за бутербродом, автоматически сунул его в рот. — Не могу! — с расстановкой проговорил хозяин дома и вдруг усмехнулся. — Я и забыл, как радикально ты решаешь вопросы.

— Простые решения всегда целесообразней.

— Не меня-я-я-е-е-шься, — протянул Вадим Николаевич. — Целесообразней... Какое неудобное слово! — Он поморщился и, сделав глоток чаю, продолжил: — Моя первая жена всегда так говорила, собираясь посадить меня на диету. И что же? — он между делом перекрестился. — Ее с нами нет. Я снова женат. А вот Теодоро, как и прежде, со мной. И знаешь почему? — Рак издевательски тянул время. — Потому что он никогда не говорит, что для меня целесообразней. Он молчит. И правильно делает.

Последние слова показали угрозой.

— Погода портится, — неожиданно дружелюбно добавил он.

«Играешься, сволочь», — Крестовский напустился.

— Да ладно тебе! Не сопи, о деле давай.